

Романовы в дороге

Путешествия и поездки
членов царской семьи
по России и за границу

Коллектив авторов

**Романовы в дороге. Путешествия
и поездки членов царской
семьи по России и за границу**

«Нестор-История»

2016

УДК 93/94
ББК 63.3(3)

Коллектив авторов

Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу / Коллектив авторов — «Нестор-История», 2016

ISBN 978-5-4469-0665-9

В сборнике научных статей представлены материалы конференции, посвященной 400-летию династии Романовых. Поездки и путешествия российских самодержцев и членов их семьи с XVII по XX вв. рассматриваются с точки зрения разновидностей и целей, исходя из жанровой специфики источников (заметки самих участников, корреспонденция, репортажи, публикации в газетах и журналах, мифологемы массового сознания и т. п.), а также в контексте формирования имперских церемоний и этикетных норм коммуникации. Проанализированы некоторые методологические и теоретические вопросы изучения и интерпретаций высочайших путешествий по России и за границей, – в частности, язык, приемы и риторика их репрезентаций для разных аудиторий. Сборник предназначен для историков, филологов, специалистов по истории и культуре Российской империи, а также для широкой гуманитарной аудитории.

УДК 93/94
ББК 63.3(3)

ISBN 978-5-4469-0665-9

© Коллектив авторов, 2016
© Нестор-История, 2016

Содержание

Предисловие	6
Место путешествий в придворном церемониале	9
К. Штеппан. Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.)[1]	9
Н. Ю. Болотина. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых	14
Г. В. Ибнеева. Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий	20
Конец ознакомительного фрагмента.	27
Комментарии	

Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу

© Коллектив авторов, 2016

© Институт славяноведения РАН, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

Предисловие

В год 400-летия династии Романовых было проведено много научных симпозиумов, выставок, юбилейных мероприятий. Мы избрали для конференции тему «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу», объединив, таким образом, две актуальные в последнее десятилетие исследовательские проблемы: анализ путешествий как концепта и жанра и историю царской (императорской) династии Романовых. В сборнике представлены статьи участников конференции, проведенной в Институте славяноведения 12–14 ноября 2013 г. в рамках II Всероссийского совещания славистов^[1], а также работы специально приглашенных авторов. В результате исследователи представляют пять стран (Россию, Австрию, Венгрию, Германию и Сербию) и четыре российских города: Москву, Санкт-Петербург, Казань и Саратов.

В новейшей отечественной историографии, обращающейся к изучению феномена имперского российского самодержавия, его идеологического толкования, значительную роль сыграла книга американского историка-русиста, профессора Колумбийского университета США Ричарда Уортмана «Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии», переведенная на русский язык в 2002–2004 гг.^[2] Она не только вызвала широкий резонанс в среде историков и культурологов, но и открыла новую страницу в изучении имперского периода российской истории с точки зрения реализации символических и мифологических функций власти и различных (вербальных, визуальных, коммуникативных) способов ее репрезентации. Можно по-разному оценивать значимость исследования Уортмана для российской историографии^[3] – пишут как о «уртмановском повороте»^[4] в исторических дисциплинах, так и о неоправданной «уртмании» отечественных гуманитариев^[5]. Но так или иначе оно повлияло на целое междисциплинарное направление, в котором своеобразие российского самодержавия как политической формы и социокультурной модели реконструируется через его средства идентификации. Таковыми можно считать идеологию и метафорику Царской / Императорской власти, которая представляет особенную значимость на этапе формирования имперского и «народного» самосознания периода «строительства» современных наций.

Одним из аспектов взаимодействия патримониальной монархии в лице «отца» народа (народов) и «детей»-подданных становится путешествие в широком значении слова – как целенаправленное и ставшее объектом описания или рефлексии перемещение в пространстве^[6]. В высочайших путешествиях (даже к месту последнего упокоения) важна именно архаическая связь властителя, сакрализуемого актом помазания, и пространства, им «окормляемого»; личности, олицетворяющей государство, со всеми своими подданными, цельный образ которых воплощен в представителях каждого из слоев социума. Известно, что в раннесредневековых европейских и азиатских монархиях поездки правителей по подвластным им территориям реализовывали несколько задач одновременно, однако важнейшей из них была собственно символическая функция единоначальной власти – ее зримое присутствие среди подданных, появление монарха перед ними, позволяющее им видеть и признавать своего реального властителя. Освоение территорий государства через путешествие должно было означать присвоение их, оно закрепляло эту реально-экономическую и символическую связь. И в раннее Новое время, и в начале XX в. (как убедительно показано в статьях сборника) актуальным в период путешествия оставалось «знакомство» монарха с народом и узнавание, «опознание» государя подданными. Мало что менялось и в сфере ожиданий: правитель должен был реализовать свои сакральные функции, в том числе и через одаривание – как вещественное (подарки, деньги и т. д.), так и через «милости»: награждения, принятие прошений, участие в судьбах конкретных людей и т. д. В имперскую эпоху путешествия цесаревичей и других детей самодержца

выполняли кроме этого важную образовательно-педагогическую задачу – независимо от того, по России или за границей они совершались.

Неизменным результатом (предполагаемым или реализованным) любого венценосного путешествия по своей стране или за ее пределами следует считать создание идеального образа – Царя, Власти, Отечества, Народа, а также идеи их гармоничного сосуществования. В общении с представителями разных социальных, этнокультурных и конфессиональных групп полиэтнической и поликонфессиональной Российской империи Государь выступал воплощением регулятора сбалансированных отношений всех сословий, племен, вероисповеданий, – и во время прямого или делегируемого контакта эту модель возможно было представить ярко и впечатляюще. Поездки за границу, введенные Петром I, помимо репрезентативной функции нередко имели познавательную компоненту: государи и наследники знакомились с церемониалом и нравами принимающих дворов, учились сравнивать, грамотно перенимать опыт, достойно представлять свое Отечество перед союзниками. Не случайно, что часто такие вояжи осуществлялись под вымышленными именами, что освобождало от необходимости соблюдать лишние условности и гостей, и хозяев.

По материалам исследований можно проследить и изменение церемониалов, сопровождавших официальные и неофициальные выходы императоров, которые пришлось разрабатывать хотя и довольно поздно по европейским меркам, но все же не «с нуля» (как полагают некоторые исследователи), а в очевидной опоре на предшествующие традиции русских князей и царей. Отчетливо прослеживается тенденция, особенно ясно сформулированная в период правления Александра III (ее символическим заключительным аккордом можно считать знаменитый костюмированный бал «в русском стиле» в феврале 1903 г.), – к воссозданию исторических традиций и внешних форм доимперской «русскости», в том числе и в церемониалах, ритуалах приветствий, подношений, дворцовом этикете и т. п. Однако это касалось главным образом «внутрироссийского» стиля и образа жизни. В общении с венценосными европейскими родственниками, иностранными дипломатами и т. д. реализовывалась иная модель поведения.

Важную роль играл и сам язык описаний высочайших травелогов – ведь основная масса сохранившихся свидетельств оставлена наблюдателями, придворными, участниками и организаторами поездок. Именно их вербальные и визуальные репрезентации становились главными информационными источниками и долгое время рассматривались современниками и потомками как «высочайше утвержденные». В них, как показано в некоторых статьях сборника, формируются те речевые лексические стандарты и нормы «политкорректности», которые определяют способы и формы изложения деяний царственных властителей России и обстоятельств их личной жизни для «простых людей» – т. е. в официальных отчетах и «журналах», в средствах массовой информации, популярной литературе «для народа» и т. п.

Обращаются исследователи и к источникам личного происхождения, анализ которых позволяет во многом преодолеть складывавшиеся на протяжении длительного времени не только в российской (советской), но и зарубежной историографии XX в. стереотипные взгляды на членов правящей династии Романовых как на представителей «правлящей верхушки» (разница проявлялась лишь в оценках). Дневники путешествий, переписка, индивидуальные впечатления конкретных людей, облеченных властью, дают возможность осветить не столько «репрезентационные стратегии», сколько личностное восприятие, понимание долга и ответственности, отношение к собственному народу и его судьбе – в границах, определяемых целями поездки и маршрутом.

Авторы коллективного сборника рассмотрели сюжеты, относящиеся не только к трем столетиям романовской Империи (1721–1918), но и более ранние, включая период правления царя Алексея Михайловича. Композиция книги обусловлена не хронологическим, а проблемным принципом: открывается она статьями, в которых реконструируются путешествия и

поездки как часть придворного церемониала (экскурсии Петра I, ритуалы прощания с покойными членами царской семьи и их погребения, «встречи с народом» и коронации). Затем следует раздел, авторы статей которого подробно анализируют отдельные индивидуальные поездки государей Петра I, Павла I, Александра I, будущего Александра II, Александра III и Николая II. Третья часть посвящена организации подготовки и аргументации (в том числе и риторической) различных перемещений императоров и членов их семей, включая официальные и неофициальные визиты и встречи с родственниками. В двух статьях представлена реконструкция символики монарших путешествий, как создаваемая и реализуемая их организаторами и участниками, так и не рефлекслируемая современниками. Завершает ряд исследований «Приложение», в котором публикуются статьи о путешествиях супружеской четы – Альберта Саксен-Тешенского и эрцгерцогини Марии Кристины Габсбургской, и поездках по своим обширным владениям двух императоров – Иосифа II и Франца II (I). Читатель найдет в них немало тематических переключек с основными статьями, познакомится с методикой изучения сходного круга проблем на примере других стран.

Место путешествий в придворном церемониале

К. Штепан. Романовы как «экскурсоводы»: поездки с австрийскими дипломатами к достопримечательностям молодой Российской империи (20-е годы XVIII в.)¹

В начале 20-х годов XVIII в. австрийско-русские отношения вышли из серьезного межгосударственного кризиса. Причиной напряженности был конфликт, вызванный бегством царевича Алексея в 1716 г. в Вену, что привело к временному прекращению дипломатических отношений между императором Священной Римской империи Карлом VI (1711–1740 гг.) и русским царем. Только при дипломатическом посредничестве генерала Иоганна Вейсбаха и графа Павла Ивановича Ягужинского при венском дворе межгосударственные отношения сдвинулись с мертвой точки. Русским представителям удалось убедить цесаря (императора) в необходимости «восстановления дружеских отношений» между двумя дворами^[7].

Обстоятельства, при которых это примирение должно было быть достигнуто, звучат для современного наблюдателя довольно странно. В начале 1720 г. Петр I отправил Ягужинского в Вену с предложением, чтобы обе стороны посредством договора «стерли» и «забыли» все прежние «недопонимания» и «разногласия» и больше об этом не вспоминали. Венские министры ответили в таком же духе и написали в своем отзыве, что установление «постоянной дружбы» и вероятное заключение союза возможны в случае, если они забудут «все прошедшие смуты». Эти взаимные обещания не были пустыми словами. Уже в следующем году император отправил графа Штефана Вильгельма Кинского (1679–1749) в Россию с целью заключения союзного договора^[8].

Сразу после его приезда в Санкт-Петербург и последовавших церемониальных приемов в начале октября 1721 г. Петр I выказал готовность к возобновлению дружеских отношений и уже в том же месяце пригласил посланника Священной Римской империи на совместную экскурсию в Кронштадт. Это приглашение можно назвать хорошим примером неформального общения русского государя с иностранными послами. Не зная об этих характерных чертах Петра I, Кинский расценил царский жест как необычное доказательство благосклонности. Мнение Кинского об уникальности этого события только подтвердилось в ходе самого мероприятия^[9].

В день отъезда из Санкт-Петербурга Петр отправил цесарскому дипломату «красивую шляпку» для самостоятельной переправы в Кронштадт. Прибыв в главный порт русского флота, Кинский увидел уже находившегося там государя вместе с Ягужинским. Они пригласили его на прогулочный кораблик царя, и тот лично показал гостю не только весь порт, но провел через корабли флота, фортификации и другие достопримечательности города. Подробные описания императорского посла содержат ценную информацию о состоянии русского флота в Кронштадте в начале 20-х годов XVIII в. По словам дипломата, там находилось более двадцати кораблей, большинство из которых было вооружено 60 пушками. Некоторые из них имели на вооружении даже 100 пушек. С точки зрения Кинского, сама фортификация была очень красиво построена и хорошо укреплена. Таким образом, вражеским кораблям предстояло бы преодолеть двойной ряд более чем из ста пушек, чтобы продвинуться внутрь крепости. Несмотря на то, что морская болезнь царского спутника, Ягужинского, омрачила совместную экскурсию, Петр I остался доволен очевидным восторгом Кинского и несколько раз справлялся у дипло-

¹ Статья написана при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-01003а1.

мата о его впечатлениях^[10]. Продолжая дружеский тон разговора с царем, Кинский ответил на эти вопросы шуткой: «Хотя я не водяной, но ничего не имею против этих мероприятий в присутствии столь великого государя»^[11].

После морской экскурсии австрийского посла пригласили на маскарад в дом князя А. Д. Меншикова, где царь в присутствии всех русских министров продолжил расспрашивать дипломата о его впечатлениях: «Вы можете себе представить, что все это было построено во время тяжелой войны?» На этот раз представитель императора решил польстить самодержцу, сказав, что со дня своего приезда в Россию только и замечал такие военные достижения. По мнению Кинского, эти слова также понравились Петру, и довольный царь пожал послу руку. Все эти выражения почета и особенно тот факт, что царь оставил всех остальных иностранных дипломатов в Петербурге, убедили Кинского: эта экскурсия была организована исключительно в его честь. Кроме того, после совместного путешествия государь изволил дать Кинскому совет – всегда находиться подле его особы^[12].

Неудивительно, что австрийский эмиссар был этим весьма польщен и в очередной реляции истолковал это приглашение как очевидный знак сближения с русским государем^[13]. Однако от чувства превосходства не осталось и следа, когда в том же месяце царь устроил такую же экскурсию для французского посла Жан-Жака Кампредона, который прибыл в Санкт-Петербург через пару недель после Кинского. Доклад Кампредона о совместном путешествии с царем свидетельствует о том, что программа осмотра достопримечательностей оказалась подозрительно похожей на экскурсию для цесарского посланника. Роль экскурсовода во время водной прогулки с французским представителем опять взял на себя сам Петр. Он показал гостю не только корабли русского флота, но и провел по другим достопримечательностям Кронштадта. В конце экскурсии государь выпил рюмку водки за здоровье Кампредона и велел французцу вернуться в столицу самостоятельно^[14]. Узнав о реакции на экскурсии с царем среди иностранных послов в Петербурге, Кампредон писал в приписке к своему донесению: «Капитан фрегата приехал сюда, так что я могу прибавить (к предыдущему), что, вернувшись вчера вечером, узнал, как Кинский встревожен моим прибытием и почестями, оказанными мне Царем. Он [цесарский дипломат] сильно хлопочет о самом тесном союзе между своим государем и Царем, который, однако, не так-то скоро решится на это»^[15].

Злорадные слова французского дипломата служили намеком на то, что они с Кинским были соперниками. Это впечатление усиливается при рассмотрении целей французской миссии. Кампредон приехал в Санкт-Петербург в качестве первого постоянного посланника и полномочного министра при петербургском дворе после того, как Франция с успехом выступила в роли посредника между Россией и Швецией в рамках Ништадтского мира (1721). При таком характере межгосударственных отношений французский представитель старался с самого первого дня добиться от новой великой державы подписания союзного договора. Русско-французский союзный договор был заключен в Амстердаме в августе 1717 г., но касался в первую очередь налаживания широких торговых связей между двумя странами и французского посредничества на заключительном этапе Северной войны. Все попытки Петра, направленные на дальнейшее сближение с Францией были, однако, отвергнуты в Версале. Главным препятствием были отказ французов от брачного проекта с Россией, их нежелание признать императорский титул Петра I и разделить сферы влияния в Польше. Несмотря на это, Кампредон старался добиться дальнейшего политического сближения с Россией, так как являлся горячим сторонником крепкого политического союза с русским двором. Между тем, смерть герцога Орлеанского в 1723 г. и воцарение достигшего совершеннолетия Людовика XV имели следствием утрату в Версале всякого интереса к России. 1721–1726 годы – это время упущенных возможностей в русско-французских отношениях^[16].

Петр был готов к серьезному сближению с французским двором, но в данный момент, видимо, хотел оставить двери открытыми. Экскурсии с обоими претендентами на его дружбу

прекрасно служили цели публично показать временную равноудаленность Кампредона и Кинского. Таким образом, царь дал иностранным представителям понять, что он в принципе готов к сотрудничеству с обоими дворами. Но он также показал дипломатам, что им придется соревноваться за его дружбу.

Что касается Кинского, он выбыл из борьбы довольно скоро. Причина заключалась в том, что в конце 1721 г. Петр I принял императорский титул. Этот его шаг сделал сотрудничество с венским двором практически невозможным. Несмотря на то, что Кинский и в дальнейшем стремился к сближению с Россией, из-за конфликта о титулатуре Петра I император Священной Римской империи велел своему эмиссару покинуть миссию в Санкт-Петербурге. Уже во второй половине 1722 г. Кинский, ссылаясь на мнимые проблемы со здоровьем, простился с российским императором. В столице новой Империи в качестве официального представителя Карла VI и информатора для венского двора остался секретарь посольства Себастиан Гохгольцер^[17].

Несмотря на отъезд посланника императора Священной Римской империи, Гохгольцер сумел заменить Кинского при русском дворе, в том числе в качестве гостя на придворных мероприятиях и торжествах. Так, российский император пригласил его в августе 1723 г. на совместную экскурсию со всеми иностранными представителями в Петергоф. В докладе о приглашении, поступившем от русского государя, Гохгольцер подчеркнул, что Петр хотел бы показать этот замок лично^[18]. О значении Петергофа как архитектурной гордости молодой Российской империи рассказывается в одном из более ранних донесений. В мае 1723 г. Гохгольцер сообщал, что Петр I лично наблюдал за строительными работами в летнем дворце. В отчете о приглашении на совместные экскурсии секретарь посольства констатировал: «Это здание, наверное, является одним из самых известных в Европе»^[19].

В донесении для французского двора Кампредон отзывался о дворце в сходных выражениях, причем его описания оказались гораздо подробнее, чем у Гохгольцера. Он начинал с детального описания системы каналов от моря до дворцового фонтана. При этом дипломат упоминал даже технические особенности, которые касались, например, подачи воды в канал через шлюз. Сам дворец он называл сравнительно маленьким и еще недостроенным, но отмечал художественное оформление интерьеров голландскими, итальянскими и китайскими картинами. Именно эту коллекцию он хвалил в своем докладе, хотя дворец в целом показался ему не более чем «маленьким и уютным». За подробным описанием здания следовало впечатление француза о дворцовом саде. Особое внимание он уделил большому фонтану, находившемуся в самом центре парка. По словам Кампредона, вода производила приятный шум, что делало прогулку особенным удовольствием. Реляция француза не оставляет сомнений в репрезентативном характере групповой экскурсии для иностранных дипломатов, проведенной самим русским государем. Так, Петр I спросил у Кампредона, поскольку французы всегда славились безупречным чувством прекрасного, что тот думает обо всем увиденном. Государь хотел знать, нашел ли он в Петергофе что-либо примечательное. Кампредон предпочел дать дипломатичный ответ: все, что было построено во время долгой войны и при таком климате, заслуживает внимания как «великолепный объект»^[20]. В целом донесения Гохгольцера и Кампредона показывают, что европейские дипломаты не только следили за политическими событиями при иностранном дворе, но и вели работу в сфере культурного посредничества.

Экскурсия в Петергоф нашла живой отклик в европейской прессе. Основываясь на разных дипломатических донесениях и статьях из других газет, немецкий журнал «*Europäische Fama*» (можно перевести как «Европейская молва») опубликовал большую статью о совместной экскурсии российского самодержца с иностранными посланниками. Петр I прекрасно знал инструкции, даваемые европейским дипломатам по поводу содержания их реляций своим дворам. По этой причине экскурсия имела прежде всего репрезентативный характер, направленный на повышение престижа молодой Российской империи в глазах западноевропейских

дворов. И этой цели российский государь, несомненно, достиг. В заключительном сравнении дворцовых культур России и Запада «*Europäische Fama*» констатировал, что показанные новые достопримечательности Российской империи не только хорошо продуманы, но и построены с чрезвычайным вкусом^[21].

Кроме подробностей статьи о совместном путешествии Петра I с дипломатами любопытным аспектом репортажа являются оценки, данные журналом культуре при русском дворе. В то же время у издателей нашлись и нелицеприятные слова о придворной культуре России. Это находилось в тесной связи с общей тенденцией обсуждения русского двора в этом журнале, который издавался с 1702 по 1735 г. в Лейпциге и отличался от обычных ежедневных газет того времени тем, что не только комментировал, но и критиковал важные события на континенте. Основными источниками для журнала служили ежедневные немецкоязычные газеты, издававшиеся под патронатом разных немецких дворов, и неофициальные источники информации. Этот печатный орган можно по праву назвать одним из немногих «критических голов» европейской прессы XVIII века. Современные исследователи не случайно называют его «историко-политическим печатным органом»^[22].

Главной тенденцией его информационной политики было положительное отношение к Петру I, который, с точки зрения журнала, своими реформами заложил основу для превращения страны из «варварской Московии» в «цивилизированную Российскую империю». По мнению «*Europäische Fama*», главным препятствием для курса реформ являлся отсталый русский народ, который для завершения цивилизационного процесса нуждался в жестком управлении^[23].

Эта тенденция прослеживается и в статье об экскурсии Петра I с иностранными дипломатами в Петергоф. После подробного описания дворца и программы экскурсии по дворцовым покоем следовала общая оценка культурных достижений русского двора. В ней во всей полноте проявилась суть информационной политики «*Europäische Fama*». Несмотря на то, что журнал писал о наличии «каких-то развлечений» и «великокняжеских увеселений» в России, эти мероприятия, по мнению автора, не были так хорошо оформлены и подготовлены, как при дворах иных христианских государей. С одной стороны, констатировалось, что даже при русском дворе существует традиция отмечать не только дни рождения и тезоименитств монархов, но и праздники в честь святых покровителей царских орденов или в память о ратных победах и заключении мирных договоров. Кроме того, журнал уделял особое внимание страсти царя к придворным маскарадам^[24]. Все события, которые в течение первых двух десятилетий XVIII в. стали важными элементами придворной жизни в России, причислялись к приметам европеизации русского двора в целом и праздничного календаря в частности. В этом, кстати, с наблюдателями XVIII в. согласны авторы современных научных трудов^[25]. С другой стороны, несмотря на положительную характеристику русской придворной культуры, «*Europäische Fama*» не мог поставить эту высокую оценку без унижительного комментария об отсутствии культуры в русском народе в целом. В конце концов, авторы приходили к выводу, что во всех помпезных мероприятиях находят отражение и прежние вкусы, которые, конечно, не могли считаться европейцами изысканными. Здесь журнал возлагал надежду на Петра I: его понимание европейской культуры было не только хорошей основой для ее восприятия в среде простого народа, но и являлось отправной точкой для дальнейшего развития стиля придворной жизни в России^[26].

Реляции европейских дипломатов со всей очевидностью повлияли и на общественное мнение о России на Западе. Последующие отчеты императорских эмиссаров свидетельствуют о том, что именно эти первые экскурсии с русским государем произвели неизгладимое впечатление на венский двор. Когда посол граф Амадей Рабутин в 1726 г. по приглашению Екатерины I побывал в Кронштадте и Петергофе, он отослал читателей своего отчета к более ранним донесениям Кинского и Гохгольцера. Несмотря на подробное описание, уже данное предшествен-

ником, Рабутин еще раз упомянул военно-стратегическое значение Кронштадта. Императорский посол назвал положение порта особенно выгодным, так как небольшая глубина моря и окружающие скалы делали его практически недоступным для врага. Кроме того, узкий вход в порт был настолько хорошо защищен от возможного захватчика, что русскому флоту там было нечего бояться. Помимо удачного укрепления порта он отметил хорошее качество конструкции и снаряжение русских кораблей, которые удивили не только его, но и всех присутствовавших шведских офицеров – более опытных экспертов в морском деле. Что касается Петергофа, Рабутин похвалил только «водопады» как самую впечатляющую достопримечательность дворцового парка^[27].

Краткость описания Рабутина не должна удивлять, так как во время пребывания в Петергофе произошли еще и другие важные события, которые легли в основу серьезных политических изменений в рамках системы международных отношений в Европе. Когда австрийский дипломат вместе с другими путешественниками уже сидел за столом, пришло сообщение о заключении в Вене союза между его государем и Екатериной I^[28]. По словам Рабутина, российская императрица оказалась «тем более довольна» этой новостью, что теперь она могла «без всяких сомнений доверять дружбе цесаря», и ей не нужно было более «сомневаться в тесной связи» между двумя империями^[29]. После такой явной демонстрации дружбы со стороны Екатерины I враги сближения между двумя дворами выразили в своих донесениях недовольство этим событием. Француз Жан Маньян, например, утверждал, что русский и голштинский дворы пришли в большой восторг по поводу заключения союза, потому что ожидали больших выгод от этого альянса^[30]. Итак, совместная экскурсия Екатерины с иностранными дипломатами стала сценой публичного сближения дворов Вены и Санкт-Петербурга.

Приведенные примеры дипломатических путешествий показали, что Романовы по разным причинам брали на себя роль экскурсоводов при иностранных посланниках. Таким дипломатическим путешествиям придавалась функция индикатора взаимоотношений между приглашающим монархом и двором приглашенного дипломата. В то же время, экскурсии были призваны предъявить дипломатическому корпусу достопримечательности Российской империи, что свидетельствует о политическом характере культурных мероприятий при дворах раннего Нового времени. Поскольку эти события долгое время незаслуженно рассматривались как мелочи на фоне масштабных дипломатических событий, их подробный анализ помогает глубже проникнуть в суть политической культуры и коммуникации в XVIII столетии.

Н. Ю. Болотина. Последний путь царевны Прасковьи Ивановны: церемониал похорон члена императорской фамилии Романовых

В настоящее время церемониалы дома Романовых XVIII в., в том числе и нововведения этого периода в организации последнего пути императоров и членов их фамилий, находятся в поле зрения историков^[31]. При этом основное внимание уделяется порядку погребения царствующих монархов, менее изученными остаются церемониалы других представителей императорского дома.

До начала XVIII в. организацией заупокойных служб по членам царской фамилии занимался Панихидный приказ в составе одного дьяка и одного подьячего^[32], а денежные расходы казны на поминовение умерших государей и их родных осуществлялись Государевой мастерской палатой, о чем сохранились документальные свидетельства в фонде 396 «Архив Оружейной палаты» в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА). С петровских времен работу по финансовой и церемониальной подготовке похорон стали проводить специально создаваемые после смерти монарха так называемые «Печальные комиссии», материалы которых отложились в фонде Сената в РГАДА. Здесь же в коллекции «Исторические и церемониальные дела» (Ф. 156), происходящей из архива Коллегии иностранных дел, и в Разряде № 2 бывшего Государственного архива Российской империи хранится ряд интересных документов, связанных с разработкой порядка похорон членов императорской фамилии Романовых. Это специально составленные схемы шествий погребальных процессий с графическими, иногда в красках, изображениями гробов, императорских регалий, орденов, знамен и т. д. Как правило, в последний путь Романовых сопровождали их родственники – представители царствующего дома, гвардейские и армейские полки, придворные, высшие военные и гражданские чины.

Основу церемониала похорон членов императорской фамилии заложил порядок погребения Петра Великого. Церемония похорон была составлена ближайшим сподвижником императора Я. В. Брюсом по образцу французских, немецких и шведских королевских погребений. Похоронный кортеж стал демонстрацией имперских свершений первого российского императора и вызвал необычайный интерес иностранных дипломатов. 24 марта 1725 г. австрийский посланник Себастиан Гохгольцер сообщал императору Священной Римской империи Карлу VI: «Иностранные министры не были приглашены на похороны, но здешнее министерство не только им, но и мне сообщило о том, что было приготовлено приличное место для иностранных министров в церкви, куда они могли бы по желанию собраться; но поскольку они намного больше хотели наблюдать похоронный ход и всю процессию, никто, в том числе и я, не пришел в церковь»^[33].

Вскоре после похорон Сенат опубликовал «Описание порядка державного при погребении блаженные высокочайныя и вечно достойнейшия памяти [...] Петра Великого» (в Санкт-Петербурге вышло из печати в 1725 г., в Москве – в следующем, 1726 г.). В РГАДА сохранилось схематичное изображение погребальной процессии Петра I в виде свитка с указанием последовательности шествия и рисунками его элементов: гроба, регалий, орденов, штандартов, мечей, орденов и др.^[34] По этому образцу также в форме свитка был составлен и план церемонии погребения его внука императора Петра II в феврале 1730 г.^[35]

Меньше внимания исследователей привлекали церемониалы похорон нецарствующих женщин из рода Романовых – жен, сестер, дочерей. Здесь также Петром I были приняты нововведения уже при погребении его тетки царевны Татьяны Михайловны, скончавшейся в Москве 24 августа 1709 г. Тело усопшей было выставлено на ложе, покрытом красным сукном, на гробе лежал золотистый атлас с разводами. Уже на следующий день состоялось погребаль-

ное шествие из Кремлевского дворца к месту упокоения в Вознесенский монастырь. Во главе процессии шли священники с хоругвями, с каждой стороны гроба – дьяконы с кадилами, дворяне несли крышку гроба. В последний путь Татьяну Михайловну провожали члены царствующего дома – царевич Алексей Петрович, царицы Марфа Матвеевна и Прасковья Федоровна, царвны. Все были в траурной одежде^[36].

В январе 1716 г. уже в Петербурге состоялись похороны второй супруги царя Федора Алексеевича царицы Марфы Матвеевны^[37]. Умерла она 31 декабря 1715 г., но похоронена была только 7 января 1716 г. в соборе Петропавловской крепости. Сохранилось несколько мемуарных описаний церемонии, в разработке которой участвовал лично Петр I. Торжество отличалось масштабностью: все-таки хоронили вдовствующую царицу, хотя и была она на троне всего 71 день. В знак высокого положения Марфы Матвеевны генерал-ревизор В. Н. Зотов «нес герб российской и имя умершей резное золотое в зеленостях цветов на высоком жезле»^[38].

В погребении принимали участие сам Петр I, царевич Алексей Петрович, царица Екатерина Алексеевна, вдовствующая царица Прасковья Федоровна, сестры и племянницы царя, а также более 500 человек во главе с высшими иерархами церкви. Царица Марфа Матвеевна стала последним членом Дома Романовых, чье отпевание и погребение были проведены по старинным традициям с плачем и причитаниями над гробом усопшего. 25 января 1716 г. Петр I издал указ «о запрещении старинного русского обряда печалования по умершим».

Особой пышностью отличались похороны в 1723 г. вдовствующей царицы Прасковьи Федоровны – супруги брата Петра I Иоанна V Алексеевича. Ее император уважал и ценил. Он был восприемником племянниц Марии, Феодосьи и Екатерины, заботился об их благополучии и даже использовал их в своих династических проектах. Погребение состоялось 22 октября 1723 г. в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. Для прощания с Прасковьей Федоровной открытый гроб стоял на катафалке под балдахином, на котором были вышиты государственный герб, шифр покойной с императорской короной, скипетром и державой наверху. В погребальном шествии участвовали высшие военные и гражданские чины, придворные дамы, гвардейцы, унтер-офицеры и солдаты; процессия двигалась по столице более двух часов. В последний путь Прасковью Федоровну провожали дочери – герцогиня Мекленбургская царевна Екатерина Ивановна и царевна Прасковья Ивановна и императорская чета (Петр I и Екатерина Алексеевна)^[39].

Младшая дочь Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны Салтыковой, племянница императора Петра I царевна Прасковья Ивановна (1695–1731) упоминается в литературе довольно редко, как правило, в связи с именами ее родителей. О ней пишут как о болезненной и некрасивой женщине. Испанский посол при русском дворе герцог де-Лириа писал о царевне, что вторая сестра царицы «очень дурна лицом и худошава, здоровья слабого [...], глупа и имеет такую же склонность к мужчинам, как и сестра»^[40]. Вот как (используя описание из дневника Ф. В. Берхгольца) описывает царевну биограф царицы Прасковьи Федоровны М. И. Семевский: «Бледная, растрепанная, с выдававшимися скулами, осунувшимся лицом; она по обыкновению в дезабилье»^[41]. Он же пишет о пренебрежительном отношении матери к вечно хворой Прасковье Ивановне, которая неразлучно жила с вдовствующей царицей и привыкла к рабскому подчинению ее воле.

После смерти матери царевна Прасковья Ивановна, по свидетельству иностранных писателей, с согласия императора Петра I обвенчалась с генерал-аншефом Иваном Ильичом Старшим Дмитриевым-Мамоновым (1680–1730), происходящим из древнего русского рода Рюриковичей, утратившего княжеский титул^[42]. В октябре 1724 г. у них якобы родился сын, который умер в младенчестве около 1730 г. Немного после этого прожила и царевна. Прасковья скончалась в Москве 9 октября 1731 г. «по полуночи в 1-м часу во 2 минуте» в возрасте 36 лет и 14 дней.

Церемониал погребения царевны Прасковьи Ивановны был учрежден согласно нововведениям Петра I и очень близок к организации прощания с царицей Прасковьей Федоровной. Организацией похорон руководил генерал-губернатор Московской губернии граф Г. П. Чернышев. В РГАДА сохранилось дело, содержащее «Юрнал от дня преставления Ея высочества блаженныя памяти государыни царевны и великия княжны Параскевии Иоанновны» и описание порядка похоронной процессии, составленные в Кабинете императрицы Анны Ивановны, сестры покойной. Эти документы позволяют подробно рассмотреть порядок шествия царевны в последний путь, элементы церемониала и круг лиц, в том числе Романовых, сопровождавших гроб Прасковьи Ивановны.

Сразу после кончины царевны у ее тела началось пение Псалтыри. На следующий день 10 октября в доме Прасковьи Ивановны был поставлен караул из 70 гвардейцев во главе с капитаном. 11 числа царевна была вынесена из комнаты, в которой она скончалась, в другую, где ее, одетую в шлафрок и юбку из серебряной парчи, положили на кровать под балдахином с завесами «малинового штофу з золотными травами»^[43]. В головах на стене располагался герб, вышитый золотом, комната была убрана шпалерами красного бархата. С этого дня было учреждено дежурство у тела в сутки по 8 кавалеров и дам в траурных одеждах, священники начали чтение Евангелия, у дверей стояли на карауле гвардейцы.

12 октября состоялся указ сестры покойной императрицы Анны Иоанновны о выделении 3 000 рублей на организацию похорон, а на следующий день определен порядок траура императрицы, царевны Екатерины Ивановны, цесаревны Елизаветы Петровны и принцессы Анны Леопольдовны (первые шесть недель – ординарное платье из тонкого черного сукна, на голове убор черный с шнипом и с длинным капором). Траур распространялся и на придворных дам и кавалеров.

14 октября печатные объявления-однолистки о назначении шестимесячного траура были разосланы министрам и генералитету, а также в Московскую полицмейстерскую канцелярию для «публикации в народ»^[44]. С этого времени началась рутинная работа Печальной комиссии по приему траурных вещей, изготовлению траурной одежды для придворных служителей, убранству парадного зала. 20 октября обер-церемонимейстером был определен московский генерал-полицмейстер М. Т. Греков, к нему в помощь – полковник Бухгольц и сенатский обер-секретарь Авраам Сверчков.

За три дня до похорон 28 октября 1731 г. тело царевны было положено в гроб из дубовых досок, оклеенный внутри и снаружи серебряной парчой, который вынесли в зал в ее московском доме на Знаменке (затем на этом месте был построен знаменитый Пашков дом) и поставили посредине на специально изготовленном троне. Трон состоял из трех ступеней, был обит малиновым бархатом и имел покров из серебряной материи, обложенной «золотным позументом» и бахромой. Над головой царевны располагался балдахин из серебряной травчатой материи, украшенный также «золотным позументом» и бахромой, вышитый монограммой покойной и императорской короной. При выносе гроба в зал присутствовали высшие духовные иерархи, духовник царевны Родион Никитин и императорские певчие.

По сторонам гроба было прикреплено 8 «блях», на одной в головах была сделана надпись: «Благодарная государыня царевна державнейше Всероссийской императрицы Анны Иоанновны сестра родная Параскева Иоанновна по долговременных болезнях на вечный неразрушаемого живота покой с великим на милость Божию упованием переселилась»^[45]. На остальных бляхах находились монограммы царевны. 6 скоб и ножки гроба в виде 4 фигур были вызолочены, крышка оклеена серебряной парчой и выложена золотым позументом, на котором была изображена серебряная вызолоченная корона, у крышки располагался орден св. Екатерины (им царевна была пожалована по праву принадлежности к царствующему дому). Шлейф платья Прасковьи на три аршина спускался из гроба, края платья были украшены «самыми тонкими брабанскими кружевами».

Зал, в котором стоял гроб царевны Прасковьи Ивановны, был обит серебряной парчой. На стенах в виде двадцати столбов были нашиты травы из золотного позумента, из него же сделали поперек в два ряда широкие полосы. Подзоры изготовлены были из золотной парчи с горностаевой опушкой, а на них нашиты российские гербы из черного атласа. На стене против дверей размещалась мантия императорской фамилии из золотной ткани, подбитой горностаевым мехом, а на ней российский герб под короной: «дека того герба резная фигурами и корона деревянные вызолочены, а герб изображен черною краскою»^[46]. Под гербом «на широкой пунсовой ленте» был прикреплен орден св. Екатерины.

По стенам зала помещались написанные золотом монограммы покойной царевны, завесы из белой тафты, а также живописные изображения на досках: образ Иисуса Христа, смерти, одетой в черные одежды, образы «девы сетующия», «девы в синей одежде», «девы в одеянии пунсовом», «девы в белом одеянии».

На троне в головах гроба и на второй ступени стояли обитые серебряной материей табулеты, на которых на подушках из золотной парчи были помещены украшенные бриллиантами и драгоценными камнями корона и орден св. Екатерины. Вокруг трона стояли золоченые и серебряные перила с четырьмя дверями, на них 12 подсвечников с белыми свечами. Зал освещали шесть паникадил под потолком и 16 подсвечников по стенам. В траурное облачение были убраны и все остальные комнаты в доме скончавшейся царевны, перила и стена около ворот на улице.

С 28 октября был открыт доступ к телу Прасковьи Ивановны, как объявлялось через полицмейстерскую канцелярию, «дабы всякого чина люди для должного Ея высочеству блаженныя памяти государыне царевне поклонения и прощения приходили во дворец Ея высочества поутру от 9 часа до 12, а пополудни от 2-го до 5-го часа»^[47]. Такой порядок прощания с представителем дома Романовых стал значительным нововведением, ранее подобного не случалось. За 28–31 октября во дворец было допущено 28 160 человек, причем большинство в последний день – 16 620. С учетом количества жителей Москвы в это время – порядка 130 000, получается, что каждый пятый москвич пришел к гробу царевны Прасковьи. Следует предполагать, что в первую очередь это были придворные, высшие военные и гражданские чины, представители московского и губернского дворянства, купечества.

Спустя почти месяц после кончины, только 1 ноября 1731 г., состоялись похороны царевны. В этот день была запрещена вся торговля в Москве, и особенно продажа «питей» в кабаках. В 8 часов утра все назначенные для проводов в последний путь представителя дома Романовых собрались по сигналу ракеты и после трех залпов из пушек на Красной площади выстроились в установленном порядке. Новый сигнал в 9 часов утра оповестил о начале траурной процессии. Третий прозвучал, когда был поднят гроб, и по нему началась «минутная стрельба с бульварков» у Боровицкого моста.

Описание траурного церемониала последнего путешествия царевны Прасковьи Ивановны из своего дома на Знаменке к месту вечного упокоения, сохранившееся в РГАДА, представляет собой уникальное изображение похоронной процессии, на котором имеются схематичные изображения ее участников, гроба Прасковьи Ивановны, хоругвей, креста, ордена св. Екатерины и императорской короны, а также перечень персон сопровождавших царевну к месту захоронения. В отличие от церемониалов Петра I и Петра II документ выглядит не как столбец, а имеет тетрадную форму.

Вдоль всего пути процессии стояли солдаты общим количеством 3 340 человек, образуя две шеренги по правой и левой сторонам, причем в одной шеренге были солдаты с ружьем, в другой – с факелами. Катафалк с гробом сопровождали лакеи с факелами. Перед процессией шли гренадеры, литаврщики и трубачи, за ними верхом шталмейстер и гоф-фурьер. В первых рядах процессии – камергеры, пажи, придворные кавалеры, синодальные и придворные певчие, затем священнослужители всех рангов, за ними военные – генералитет и офицеры.

Последний путь царевны Прасковьи Ивановны по родной Москве пролегал от Знаменки на Тверскую и в Воскресенские ворота на Красную площадь. Напротив Главной аптеки процессия была остановлена, из здания вышли и присоединились к ней ближайшие родственницы покойной – принцесса Анна Леопольдовна и цесаревна Елизавета Петровна со своими ассистентами. Они заняли место в центре процессии вместе с московским генерал-губернатором Г. П. Чернышевым в окружении «ассистентов генеральского ранга», за ними шли статс-дамы и фрейлины:

«За ними обер-маршал генерал и ковалер и Московской губернии генерал-губернатор Григорий Петрович Чернышев.

№ 19. За оным изволила итти Ея высочество государыня принцесса, при Ее высочестве два ассистента генеральского ранга действительной тайной советник и ковалер граф Андрей Иванович Остерман, генерал-фельдцейхмейстер и ковалер господин граф фон Миних, шлейф несли 3 ковалера придворных, а протчие Ея двора придворныя ковалеры шли по обеим сторонам Ея высочества.

№ 20. За Ея высочеством изволила итти Ея высочество государыня царевна Елисавет Петровна, при Ея высочестве два ассистента генеральского ранга генерал и ковалер граф Павел Иванович Ягушинской, действительной тайной советник и ковалер князь Алексей Михайлович Черкасской, шлейф несли 3 ковалера придворных, а прочие Ея двора ковалеры шли по сторонам Ея высочества»^[48].

По неизвестным причинам Анна и Екатерина не провожали свою сестру в ее последнем путешествии, хотя императрица вместе с двором и высшими государственными учреждениями переехала из Москвы в Санкт-Петербург только в 1732 г. Иностранные дипломаты наблюдали за погребальным шествием «из дому, где имеется библиотека, что у Спасского мосту»^[49].

В то время как гроб с телом царевны Прасковьи Ивановны проносили через Воскресенские ворота, рядом с бастиона опять прозвучала минутная стрельба. Она была остановлена сигналом ракеты только тогда, когда гроб с телом царевны внесли в Воскресенский женский монастырь, расположенный около Спасской башни слева почти вплотную к кремлевской стене. Воскресенский монастырь был местом последнего упокоения представительниц московского великокняжеского рода и царского рода Романовых (разрушен в 1929 г., белокаменные саркофаги с останками перемещены в подземную палату южной пристройки Архангельского собора).

В монастыре была совершена литургия, после которой началась «духовная погребательная церемония», сопровождавшаяся стрельбой на Красной площади из 39 пушек и беглым огнем из мелкого ружья. Слово над телом Прасковьи Ивановны говорил знаменитый проповедник Феофан Прокопович. Он поэтически определил место царевны Прасковьи Ивановны в российской истории: «Великого древа золотая ветвь, царствующего дому дражайший бисер: от зачатия и рождения своего высочайшую славу получившая. Порфирородная девица, монаршая дочь и внучка и правнучка и племянница и сестра благоверная государыня царевна и великая княжна Параскева Иоанновна скончала жизнь свою. О, коль горестный всем слух сей!»^[50].

При опускании гроба вновь зазвучали пушки и ружья на площади. Он был поставлен в высеченный из одного камня саркофаг и покрыт каменной плитой, а сверху была сложена гробница из кирпича и накрыта покровом из красного бархата, вокруг располагалась решетка, выкрашенная зеленой краской, столбики и рельсы покрыты золотом. Погребальная церемония закончилась в три часа дня. До 18 ноября в Воскресенском монастыре при гробнице царевны Прасковьи Ивановны дежурили придворные кавалеры и дамы. На милостыню в монастыри было роздано 459 руб.

Сохранившиеся в РГАДА схемы погребальных процессий императоров и членов дома Романовых, в том числе и обделенной вниманием историков царевны Прасковьи Ивановны, являются интересным визуальным источником, позволяющим наглядно представить всю

последовательность процедуры шествий, их основные элементы и расположение действующих лиц. Позволим себе высказать предположение о том, что исследуемые документы составлялись до похорон с целью предварительного планирования траурной церемонии.

Г. В. Ибнеева. Екатерина II и дворянство в церемониале императорских путешествий

Статья посвящена взаимодействию императрицы Екатерины II с российским дворянством в ходе высочайших путешествий. Изучение данной проблемы позволяет, с одной стороны, обозначить пространство легитимации власти в церемониале встреч императрицы с российским дворянством, с другой – показать приоритеты ее политики в отношении первенствующего сословия.

Церемониал императорских путешествий – это не только совокупность церемоний, но и процесс коммуникации монарха и населения, легитимирующий власть монарха. В этом отношении церемониал путешествий императрицы по стране свидетельствовал о значимости дворянства для верховной власти. Встреча Екатерины с первенствующим сословием начиналась уже на границе наместничества или губернии^[51]. Въезжая в губернский город, как правило, она выстаивала службу в местном соборе, посещала дом губернатора или здание дворянского собрания, где встречалась с дворянством, бывала на балах. После этого она уже принимала приглашение городского общества, встречалась с иностранцами, если таковые прибывали к моменту ее приезда в город.

В церемониальных мероприятиях с императрицей дворянство участвовало постоянно, сопровождало ее из города в город, присутствовало и прислуживало ей во время обеда^[52]. В этом, конечно, отражается особая честь – привилегия для первого сословия. Понятно, что за обеденным императорским столом и вблизи августейшей путешественницы находились преимущественно служилые чины губернии и уездов первых шести классов Табели о рангах^[53]. Это подчеркивало высокий статус служилого дворянства, его первенство перед не служившим.

Приезд императрицы давал импульс для составления речей, од, хвалебных слов, которые озвучивались представителями дворянства в момент встречи с ней. Понимая, что за этим творчеством могли быть определенные ожидания, все же следует отметить, что данные тексты являют собой пространство легитимации власти. Один из ее аспектов – установление преемственности существующей власти с предшествующими монархами. В этом отношении наиболее часто встречающийся тезис в этих речах – в Екатерине воплощен образ Петра Великого, продолжательницей дел которого она является, – был для нее весьма актуален. Екатерина, узурпировавшая российский престол, особенно нуждалась в подтверждении своей идейной наследственности от Петра I: она является законной преемницей не по родству, а по духу и идеологической мощи преобразований.

Причем сравнение императрицы с Петром, и тем самым ее возвеличивание появляется уже в самом начале царствования, когда реформы еще только подготавливались и не были проведены. Так, в Ярославле 25 мая 1763 г. речь лейб-гвардии капитана Н. И. Тишинина отразила этот момент: «Вы обновили его [Петра] присутствие здесь, Вы подтвердили своею особою нам то, что уже памятно отцами нашими сказываемые о том слова: мы теперь видим великого Петра, в тебе, Великая Екатерина, подражательница дел его, всевожденнейшая государыня»^[54]. Преемственность власти подчеркивается лексикой, устанавливающей родственную связь между монархами: Екатерина называется «правнучкой» Петра, сам же Петр – «отцом», иногда «дедом»^[55].

Екатерина, безусловно, понимала символическую важность причастности к династии и посещала значимые для династии места. Пребывая в Костроме во время путешествия по Волге (1767), она посетила Ипатьевский монастырь, который символизировал легитимность и преемственность ее царствования в династическом плане, поскольку именно отсюда начался путь фамилии Романовых на российский престол. Осознание императрицей этой ассоциативной связи проявляется и в ее письме к Н. И. Панину от 15 мая 1767 г.: «Я пишу в Ипатском

монастыре, который прославлен в истории нашей тем, что из него Царь Михайло Федорович на Царство веден к Москве, и истинно сие место и видом, и богатством украшений в церк-вах почтенно»^[56]. Очевидно, что и у дворянства присутствует это понимание: в речи местного предводителя дворянства говорилось, о том, что «время старалось сберечь для приема государыни то самое царское место, на котором был избран благочестивый царь Михаил Федорович». Тем самым воспроизводилось символическое воссоединение Екатерины с Михаилом Романовым^[57]. Этот мотив прослеживался и в изобразительном ряде триумфальных ворот, построенных к приезду Екатерины в северной стене Старого города: на аттике находилось живописное панно с изображением Екатерины II и Михаила Федоровича. Над въездом был помещен вензель императрицы^[58].

Одно из оснований легитимности власти в XVIII в. состояло в том, что целью власти провозглашалось общее благо всех подданных – их телесное и духовное благосостояние, лучшее земное устройство и общий мир. В речах предводителей дворянства концепт «общее благо» отражен и связан с личностью государыни. Это представление об императрице как попечительнице об «общем благе» определяется испытаниями тяжестей самого путешествия, что подчеркивается и выбранной риторикой: монархиня предпринимает путешествия в отдаленные от столицы места в «зной солнечный», в «бурную непогоду» «единственно для пользы подданных»^[59].

Встречи Екатерины с дворянством вызывали чувство единения: она консолидирует вокруг себя первенствующее сословие. Дворяне выступают монолитной общностью, связанной едиными интересами, культурными запросами, сословными нуждами. Временами это впечатляет как императрицу, так и ее окружение. Не случайно И. Г. Чернышев, возглавлявший императорскую флотилию в путешествии по Волге, в Костроме был до слез растроган встречей с местным дворянством. Как пишет Екатерина Н. И. Панину, «он весь обед проплакал от здешнего дворянства благочинного и ласкового обхождения»^[60]. Понятно, что сохранившиеся документы личного происхождения отражают идиллическую, елейную картину отношений власти и господствующего сословия. Однако в присутствии императрицы иначе и быть не могло. В рассматриваемых нами источниках отражается традиционно сложившаяся социально-психологическая связь монарха и дворянства, которая регулировалась не законом, а чувством преклонения перед авторитетом монархии.

Внимание императрицы было обращено не только на губернское дворянство: она встречалась и с уездным небогатым шляхетством, часть которого стекалась в города, куда прибывала высочайшая особа. Некоторые из уездных дворян в момент остановок императорского кортежа на различных станциях также могли присоединиться к этому «спектаклю счастья», обменяться с государыней чувствами привязанности. С. Н. Глинка, сын небогатого дворянина, капитана-исправника, вспоминая о небольшой остановке царицы в 1780 г. в их Холмянской деревне Духовщинского уезда, отмечал ее способность найти общий язык с разными поколениями, подходящее доброе, ласковое слово для каждого^[61].

Р. Уортман, изучая церемониал российских монахов, отмечал, что Екатерина использовала церемониальные возможности поездок, показывавшие попечение монарха о своих подданных и их демонстративное одобрение ее забот^[62]. Радение о первом сословии выражалось в ее особом внимании к детям дворянства. Так, императрица принимала участие в крестинах дворянских детей. В Смоленске 15 января 1787 г. она благоволила «быть восприемницей [...] младенца женского пола, рожденного от господина губернского предводителя [...] Степана Юрьевича Храповицкого»^[63]. 15 мая 1787 г. Херсоне она «принимала от купели новорожденную дочь генерал-поручика А. Н. Самойлова»^[64]. Понятно, что это были дети представителей высшей местной бюрократии. Однако ее чуткость проецируется на детей различных страт дворянства.

Одним из средств показать свое благоволение к первому сословию страны являлось «высочайшее» пожалование дворянским детям либо чина, либо определения в кадетский или пажеский корпус. С. Н. Глинка писал о том, что он и его младший брат были записаны Екатериной в Сухопутный кадетский корпус. Старший же брат – в Пажеский корпус. Подобное внимание вызвало у членов семьи «душевное восхищение» и искреннее выражение личной преданности^[65]. Данный факт был, конечно же, не единичным. Представление сценария счастья и взаимной привязанности, реализуемого в ходе путешествий императрицы, выражало завершенность союза благодарного дворянства и благожелательного монарха, который понимал их нужды^[66]. Не только в силу статусного мышления господствующего сословия, но и небольших денежных и материальных средств, для мелкого и среднего шляхетства это было действительно значимо.

В деле модернизации государства особая роль принадлежала первому сословию. Именно оно должно было управлять страной, из его среды, прежде всего, рекрутировались кадры для функционирования местных учреждений. Поэтому другим важным вопросом, занимавшим Екатерину в ее поездках по стране, была проблема образования и обучения детей дворянства. В России довольно долгое время отсутствовала единая система государственных учебных заведений (на общеобразовательном уровне). Эти заведения подчинялись учреждавшим их различным ведомствам, были разобщены в организационном и методическом плане^[67]. В силу этого правительство Екатерины II находилось в процессе поиска образовательной модели, соответствующей условиям Российской империи^[68]. Поэтому во время путешествий по стране императрица обращает внимание на учебные заведения. Во время ее проезда через города должностные лица по повелению Екатерины посещали учебные заведения. Так, 31 мая 1767 г. директор Академии наук граф В. Г. Орлов вместе с придворными императрицы побывал в Казанской гимназии. Во время путешествия Екатерины в Крым инспекции учебных заведений проводил генерал-адъютант граф Ф. Е. Ангальт^[69].

В условиях отсутствия общегосударственной системы образовательных учреждений императрица приветствует инициативу дворянства в этих вопросах. Так, во время пребывания в Смоленске в 1787 г. она с воодушевлением приняла известие о том, что у судьи Совестного суда С. Ю. Храповицкого есть домашнее училище для бедных дворян. Екатерина побывала в его доме и посетила учебную комнату, где шел урок по русской истории. Конечно, Екатерина еще не могла убедиться в результатах своих усилий в области повышения культуры населения. Однако, для нее, как человека деятельного, была ценна сама инициатива дворянства в деле открытия образовательных учреждений. В этом, возможно, она видела и поддержку своим собственным начинаниям. Ведь для нее проблема образования, как исповедовали просветители, была сопряжена с идеей всеобщего благоденствия: просвещение должно способствовать более гармоничной организации общества и стремлению к всеобщему благу. Находясь в доме Храповицкого, она высказала пожелание, чтобы и «другие достаточные помещики для пользы бедных подражали его примеру»^[70].

Одной из важнейших задач, которую ставила верховная власть, являлось повышение культурного уровня дворянства. Императрица, общаясь с представителями господствующего сословия, делает для себя определенные выводы относительно его культурного уровня, образования, светскости. Так, в письме к Н. И. Панину она положительно отзывается о костромских дворянах, которые приехали приглашать ее в Кострому: «Дворянство [Костромы] делает великие приготовления к моему завтрашнему приему, к чему они меня пригласили особливими двумя депутатами, кои то исполнили *весьма изрядным комплиментом* (здесь и далее курсив мой. – Г. И.)»^[71]. Данное письмо свидетельствует о том, что Екатерина желала видеть в первенствующем сословии. Поскольку на него императрица возлагала особую роль (оно должно было активно участвовать в управлении страной, в деле предстоящего реформирования общества и государства), то для нее было важно увидеть, что в российской провинции есть дворянство

достаточно цивилизованное, соблюдающее правила культурного поведения – правила «людкости» – в терминологии того времени. Очевидно, что изящество приглашения костромичей, их вежливость и ловкость в обращении с государыней и были ею замечены.

Следует заметить, что и прием в Костроме был ею особенно отмечен именно в силу культурного уровня принимающего дворянства. Костромских дворян можно было смело представить иностранным министрам, находившимся в ее свите. Последние же должны были сделать рекламу за границей о том, что в России тоже есть цивилизация. Так, в письме к А. А. Вяземскому государыня писала: «Господа костромичи во всем себя отменно вели в приеме, в провожании и в прощании и ото всех похвал достойную получили; и не стыдно было министрам [т. е. иностранным послам. – Г. И.] показать всю их весьма пристойныя поступки и распоряжения»^[72].

Императрица понимала необходимость для российского общества «смягчения нравов». Для нее «цивилизованное поведение» включало в себя и повышение общей культуры, и умение соответственно вести себя в обществе. В частности, театральные представления в гимназии она рассматривала как одно из средств цивилизовать дворянское население. Во время высочайших обедов говорилось не только о делах, но велись беседы и о культуре. Например, 29 мая 1767 г. в Казани за императорским столом беседовали о театральных спектаклях и о тех комедиях, которые представляли тогда в российских театрах. Августейшая особа с похвалой отозвалась о Расине и Корнеле, а также и о «русском театральном стихотворце господине Сумарокове». В разговоре она заметила, что ей известно, что и в Казанской гимназии ученики представляли комедии и трагедии данных авторов^[73]. Тем самым Екатерина дала понять, что это примечательный факт, и она оценивает это как благо.

Известно, что директор местной гимназии Юлий Иванович Каниц с самого начала своего приезда в Казань убеждал учеников принимать участие в постановке пьес, а почтеннейших жителей Казани бывать на них. В Рождество, Масленицу, Пасху и каникулы в гимназическом зале давались представления. Причем директор не жалел собственных средств для их организации. Театральные пожертвования (платы за вход) давали возможность поддержать материально нуждающихся учащихся гимназии. Учениками разыгрывались известные пьесы – комедия «Школа мужей» Мольера, трагедия «Синав и Трувор» А. П. Сумарокова; прологи и балеты, сочиненные самим Ю. И. Каницем^[74].

Узнав, что театральные зрелища прекратились по причине сложных отношений между губернатором и директором гимназии, Екатерина выразила по этому поводу сожаление Квашнину-Самарину: «То весьма сожалительно, что таковые представления в городе Казани оставлены и господину губернатору должно таковые предметы поддерживать и об улучшении их заботиться»^[75]. В разговоре с губернатором она отметила, что не только малолетних учеников, но и само дворянство необходимо привлекать к этому делу. Обосновывала она это тем, что «сим оные научаются приятности в поведении и обращении, которые не токмо в столицах, но и в разных провинциях российского государства видеть желательно»^[76]. По сути, императрица подавала губернатору мысль о необходимости возобновления данных спектаклей^[77].

Очевидно, что подобные внушения монарха имеют большое значение. Е. Н. Марасинова отмечала, что «на уровне обыденного сознания законом являлась высокая воля ея императорского величества, а законопослушанием» – исполнение ее «ничего не разбирая» и «не щадя сил и самой жизни»^[78]. Дворянское общество Казани осуществило пожелание императрицы. Фон Каниц впоследствии представил реляцию о торжествах, проводимых в Казанской гимназии, в Московский университет. 10 апреля 1771 г. в Казанской гимназии представляли «Синава и Трувора»^[79].

В некоторых городах, в которых пребывала императрица, дворянским обществом давались спектакли, что должно было свидетельствовать о его высоком культурном уровне. В Смоленске 3 июня 1780 г. дворянством была представлена российская комедия с хором. Во время

бала в зал вступила «кадрилия», которая танцевала «сделанный для нее [государыни] нарочно контртанец». Екатерина пожаловала всем участвовавшим в спектакле и кадрили подарки^[80]. В Орле 17 июня 1787 г. в спектакле принимали участие представители избранного орловского общества: были сыграны две пьесы – «Соломон II, или три султанши» и комическая опера «Ворожея». По окончании спектакля хор исполнил концерт, сочиненный на случай прибытия в Орел Екатерины^[81]. Таким образом, дворянство выбирало определенную модель поведения – модель культурного просвещенного сословия. В этом заметно его желание показать, что оно соответствует культурным запросам императрицы и является в силу этого подлинной опорой трона. Культурное пространство объединяло дворянство и императрицу общностью интересов.

Анализируя тексты, представляющие прием высочайшей особы, следует отметить отсутствие в них, как правило, сюжетов, способствующих омрачить настроение императрицы. Прежде всего, это касается официальных источников и большей части документов личного происхождения. Тем более представляется важным выявить источники, свидетельствующие о том, что российская монархия не проходила мимо проблем, касавшихся жизни дворянского общества. В письме к А. А. Вяземскому от 3 июня 1767 г. Екатерина писала, что столкнулась в Казани с *проблемой самоуправления* казанского дворянского общества. В этом городе она с удивлением обнаружила раздоры как в среде местной администрации, так и между местной властью и дворянами. К моменту ее приезда здесь продолжалась ссора между казанским губернатором А. Н. Квашниным-Самариным и большинством дворянства, вдохновляемого губернским прокурором П. Есиповым. Последний распускал слухи, порочившие личность губернатора, и тем самым отталкивал от представителя власти местное население^[82].

Данная ситуация отразила характерный тип отношений губернатора и губернского прокурора того времени: они были довольно сложны. С одной стороны, губернаторы были склонны смотреть на прокурора, чиновника ниже себя рангом, жалованием и положением, как на своего подчиненного. В то же время теоретически власть проводила линию на то, что прокуроры являются независимыми от губернаторов и воевод. По действовавшим законам они наблюдали за закономерностью действий губернской администрации и были подчинены генерал-прокурору Сената. Вместе с тем, для тех же прокуроров были обычными противозаконные действия, как-то: взяточничество, превышение власти, пользование этой властью в своих интересах, брань, буйство, драки, нередко в пьяном виде. К рассматриваемому времени определяется концепция императрицы относительно компетенции губернской власти. Как отмечал Ю. В. Готье, «Наставление» (1764) делает губернатора «поверенным монарха»: он «есть ответственное и в то же время доверенное лицо государя». Ему, истинному опекуну своей губернии, подчиняются (за исключением столичных губерний) все местные учреждения, дотоле от него независимы^[83]. В черновом наброске к «Наставлению» подчеркивалось, что губернатору следовало быть хозяином в своей губернии. В его обязанность входит «смотреть, всякий исполняет ли свою должность и законы; в противном случае он понуждать власть имеет»^[84]. Екатерине было особенно неприятно, что Есипов портил имидж представителю коронной власти, в результате чего тот уже «не мог отправлять дела» так, как это было необходимо^[85].

Разумеется, этот конфликт подлежал немедленному разрешению. Отметим те средства, которые использовались властью для смягчения ситуации. Императрица была в курсе тех сплетен, которые «суть более с бабьей стороны», как отмечалось в письме к Вяземскому. Она действовала не напрямую, а через своих приближенных. По ее приказу увещевания были обращены к обеим сторонам: «Я за благо нашла налить с обеих сторон воду в вино, дабы вырозуметь, а не сказать, что то делается по моему приказанию»^[86]. Особое внимание было обращено на вдохновителя ссоры – П. Есипова. Губернскому прокурору было внушено, что в силу своего поведения он может не только потерять свое место, но и вовсе лишиться возможности проживать в Казанской губернии, как человек, «не любящий мира и тишины». На следующий день

по ее указанию к Есипову обратились с советом помирить всех и тем самым изменить мнение о нем самом. Он взялся за примирение после первого же увещевания^[87].

Обо всем этом императрица писала А. А. Вяземскому. Видимо, мысли о «сих распрях» продолжали ее беспокоить, и она решила принять дополнительные меры для прекращения вражды. Вяземскому было рекомендовано написать губернскому прокурору письмо от себя (т. е. от имени генерал-прокурора, непосредственного начальника), в котором было бы отмечено, что о нем, Есипове, говорят как об источнике ссоры, в то время как желание императрицы состоит в том, «чтобы тишина везде сохранялась». Однако вместе с данными внушениями должна была быть подтверждена и его должность^[88].

В целях предупреждения повторения конфликта внутри дворянского общества, Екатерина пыталась выяснить причины враждебного отношения к губернатору. Очевидно, не последняя роль принадлежала здесь жене губернатора, поскольку императрица пишет Вяземскому, что ей «уже вымыли голову». Высокомерное поведение губернаторши стало одним из источников неприязни дворянского общества к губернатору и явилось предметом разговоров в городе. Жене губернатора через сторонних лиц дают совет, чтобы она была приветливее и ласковее с людьми^[89]. В этом деле можно отметить средства погашения конфликта в дворянском обществе Казани. В отличие от ситуации в Ярославле, где власть энергично воздействует на городскую общину (там наблюдался раздор между купцами первых двух гильдий, заседавших в городском магистрате), где воевода города отстраняется от должности, в отношении к дворянству Екатерина действовала более тонко. Возмутитель спокойствия Есипов не лишился места: ему было сделано внушение через ближнее окружение императрицы, хотя, как должностное лицо, он мог быть и устранен. В этом сказалось особое отношение монархини к дворянству как опоре трона. С другой стороны, будучи человеком деятельным и рациональным, она понимала, что любую ситуацию можно переломить, направить в нужное русло. Это был знак новой наступившей эпохи, в которой решающая роль в процессе преобразований отводится воспитанию не только человека, но и общества в целом. В деле воспитания дворянского общества методы убеждения и внушения преобладали над административными мерами.

Как власть воспринимала проблемы, стоявшие перед дворянским населением? Сохранившиеся официальные документы, в том числе актов-законодательный материал, позволяют выявить хозяйственно-экономические потребности дворянства. Одна из проблем, которая волновала дворянство, – *межевание земель*^[90]. Как известно, в первой половине XVIII в. хаотичное состояние земельного права вело к яростным конфликтам между землевладельцами, приводившим к повсеместному захвату земель. Еще в царствование Елизаветы Петровны в 1754 г. вышел указ о генеральном межевании, которое должно было отделить частновладельческие земли от государственных и удовлетворить права на землю их владельцев. Елизаветинское межевание было приостановлено в связи с нехваткой средств, а также необходимостью пересмотреть принцип его организации, изложенный в «Инструкции межевщикам» 1754 г. (обязательное требование от землевладельцев подлинников документов на право владения)^[91].

Екатерина II возобновила дело Елизаветы Петровны. Манифест 19 сентября 1765 г. показывал, что целью межевания являлось государственное и «народное спокойствие». В манифесте содержались новые подходы к межеванию, отделявшие обмер и описание земель и их продукции от вопросов о правах собственности. Главным принципом межевания служили не права собственности землевладельца, а установление размеров и границ земли, принадлежавшей той или иной деревне, независимо от количества ее владельцев или принадлежности государству^[92].

Межевание проходило постепенно, не одновременно. Поэтому данная мера оставалась насущной для целого ряда внутренних российских губерний и в 80-е годы XVIII в. Проезжая через Псковскую губернию в Белоруссию (1780), Екатерина услышала просьбу дворян и жителей о скором введении межевания. О том, что власть быстро на это реагирует, свидетельствует

указ от 17 ноября 1780 г., информирующий население о намечаемых правительством мероприятиях. В документе отмечалось, что еще указом от 13 апреля 1778 г. было предписано перевести Тверскую Межевую контору в Псковскую губернию. Поскольку императрица не имела сведений о том, закончит ли в следующем году свою работу данная контора, она повелела учредить особую Межевую контору «с довольным числом партий землемерных». В данном документе утверждалось, что межевание в Псковской губернии непременно начнется весной 1781 г. В силу этого дворяне губернии должны быть осведомлены об этом событии, чтобы наготове встретить землемеров: приготовить поверенных с надлежащими по форме «верющими письмами», на случай же споров представить «крепости»^[93]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

С тезисами докладов, прозвучавших на конференции, можно ознакомиться по адресу: http://www.inslav.ru/images/stories/pdf/2013_Romanovy_v_doroge.pdf (дата последнего посещения 31.III.2015). Обзор конференции см.: Клопова М. Э. Конференция «Романовы в дороге. Путешествия и поездки членов царской семьи по России и за границу» // Славяноведение. 2014. № 4. С. 121–124.

2.

Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Princeton Univ. Press, 1995–2000. Vol. 1–2. В русском переводе см.: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии: в 2 т. М., 2002–2004.

3.

Укажем некоторые отклики российских рецензентов: Домнина И. И. Рец. на: Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // Вопросы истории. 1997. № 12. С. 161–162; Долбилов М. Д. Рец. на: Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 1. Princeton Univ. Press, 1995 // Отечественная история. 1998. № 6. С. 177–181; Он же. Рец. на: Wortman R. S. *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*. Vol. 2. Princeton University Press, 2000 // Отечественная история. 2001. № 5. С. 178–181.

4.

«Как сделана история». Обсуждение книги Р. Уортмана «Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии». Т. 1. М., 2002 // Новое литературное обозрение. 2002. № 56. С. 42–66.

5.

Эрлих С. Э. Уортмания. Восприятие идей Р. Уортмана в России // Эрлих С. Э. «Россия колдунов». СПб., 2006. С. 225–244.

6.

В последнее десятилетие концепт пути и дефиниция путешествия находятся в центре внимания ученых-гуманитариев, но к общему и единому определению исследователи не пришли. См., в частности: Культурное пространство путешествий. Тезисы форума 8–10 апреля 2003. СПб., 2003; Путешествие как историко-культурный феномен // Одиссей. 2009. М., 2010. С. 5–266. Теоретическое введение в: Толстиков А. В., Кошелева О. Е. Предисловие // *Notio viator*. Путешествие как феномен культуры. М., 2010. С. 5–10; Власть Маршрута: путешествие как предмет историко-культурного и философского анализа. Конференция РГГУ и Крымского геополитического клуба (Москва, 2012). С материалами конференции можно ознакомиться по адресу: http://kogni.ru/news/annotacii_k_konferencii_vlast_marshruta/2012-11-10-1573 (дата последнего посещения – 31.III.2015). О ней см.: Сид И. «Власть маршрута». Постановка проблемы (<http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Vlast-Marshruta-.Postanovka-problemy> – дата последнего посещения 31.III.2015); X Конгресс этнологов и антропологов России. Москва, 2–5 июля 2013. Тезисы. Секция «Феномен путешествий». М., 2013. Конференция «Литература путешествий в свете компаративности. РГГУ, «Белые чтения». 17–19 октября 2013 г. Программу см.: ruthenia.ru/konf/belye_chtenija_2013.docx (дата последнего посещения 31.III.2015). См. также: Золотой век Grand Tour. Путешествие как феномен культуры / Сост. и общая редакция В. П. Шестакова. СПб., 2012.

7.

Подробнее см.: Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959. С. 214–250; Устрялов Н. Г. История царствования Петра Великого: в 8 т. СПб., 1858–1863. Т. 6. Царевич Алексей Петрович. СПб., 1859. С. 118–235; Флоровский А. В. Русско-австрийские отношения в эпоху Петра Великого. Прага, 1955. С. 24–30; Pilss F. Die Beziehungen des kaiserlichen Hofes unter Karl VI. zu Russland bis zum Nystädter Frieden (1711–1721). Phil. Diss. Wien, 1949 (рукопись).

8.

Подробнее см.: Höfler C. Fragmente zur Geschichte Kaiser Karl's VI. Nach geheimen brandenburgischen Archivalien und Aufzeichnungen des Grafen Stefan Kinsky bearbeitet // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Classe. 1868. Bd. 60. S. 417–453; Steppan Ch. Akteure am fremden Hof. Politische Kommunikation und Repräsentation kaiserlicher Gesandter im Jahrzehnt des Wandels am russischen Hof (1720–1730). Phil. Diss. Innsbruck; Bologna, 2014. S. 130–166 (рукопись).

9.

Steppan Ch. Akteure. S. 166–174.

10.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267r–267v.

11.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267v.

12.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 267v–268r.

13.

Ш. В. Кинский – Карлу VI, Санкт-Петербург, 20.X.1721, см.: ÖStA. HHStA. StA. Russland. RU. I. Kt. 26. Russica 1719–1721. Fol. 269r.

14.

Ж. Кампредон – Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 29.X.1721 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч. 2. С. 285–287. Текст доступен по адресу: <https://archive.org/stream/sbornik54obshgoog#page/n15/mode/2up> (дата последнего посещения 31.III.2015)

15.

Ж. Кампредон – Г. Дюбуа, Санкт-Петербург, 29.X.1721 // Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 40: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе (годы с 1719 по 1723). Ч. 2. С. 288–289.

16.

Черкасов П. П. Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775. М., 1995. С. 22–23.

17.

Подробнее см.: Steppan Ch. Akteure. S. 192–232.

18.

С. Гохгольцер – Карлу VI, Санкт-Петербург, 16.VIII.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 193r–193v.

19.

С. Гохгольцер – Карлу VI, Санкт-Петербург, 10.V.1723, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU I. Kt. 28. Russica 1723. Fol. 79r.

20.

Ж. Кампредон – Ш. Ж.-Б. Флёрио графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 3.IX.1723 // Сб. РИО. СПб., 1885. Т. 49: Дипломатическая переписка французских послов и посланников при русском дворе. Ч. 3. С. 370–374.

21.

Europäische Fama, welche den gegenwärtigen Zustand der vornehmsten Höfe entdeckt (далее – Europäische Fama). 1723. Theil. 270. S. 498–499.

22.

Подробнее см.: Gestrich A. Absolutismus und Öffentlichkeit. Politische Kommunikation in Deutschland zu Beginn des 18. Jahrhunderts. Göttingen, 1994. S. 183–193 (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft. Bd. 103); Kirchner J. Das deutsche Zeitschriftenwesen. Seine Geschichte und seine Probleme. Teil 1. Von den Anfängen bis zum Zeitalter der Romantik, Wiesbaden, 1958. S. 32–33; Wilke J. Grundzüge der Medien- und Kommunikationsgeschichte. Von den Anfängen bis ins 20. Jahrhundert. Köln; Weimar; Wien, 2000. S. 94–114; Würzler A. Medien in der Frühen Neuzeit. München, 2009. S. 43–49.

23.

Подробнее см.: Blome A. Das deutsche Rußlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenössischen Presseberichterstattung über Rußland unter Peter I. Wiesbaden, 2000. S. 121–122 (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 57); Fissahn B. Faszination und Erschrecken: Die Russlandberichterstattung der «Europäischen Fama» in der nachpetrinischen Ära // Russen und Rußland aus deutscher Sicht. 18. Jahrhundert: Aufklärung / Hrsg. von M. Keller. München, 1987. S. 136–152 (West-östliche Spiegelungen. Bd. 2); Korzun S. Heinrich von Huyssen (1666–1739). Prinzerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I, des Großen. Wiesbaden, 2013. S. 57–58 (Jabloniana. Quellen und Forschungen zur europäischen Kulturgeschichte der Frühen Neuzeit. Bd. 3).

24.

Europäische Fama. 1723. Theil 270. S. 495–498.

25.

Подробнее см.: Агеева О. Г. Европейские образцы и церемониалы русского императорского двора XVIII в. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия / Под ред. А. В. Голубева: в 5 т. М., 2000–2008. Т. 3. М., 2006. С. 249–269; она же. Императорский двор России. 1700–1796 годы. М., 2008. С. 19–51; Hughes L. The Courts of Moscow and St. Petersburg,

c. 1547–1725 // *The Princely Courts of Europe. Rituals, Politics and Culture under the Ancien Régime 1500–1750* / Ed. by J. Adamson. London, 1999. P. 295–338.

26.

Europäische Fama. 1723. Theil 270. S. 498–499.

27.

А. Рабутин – Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183r–183v.

28.

Подробнее см.: Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725–1739 гг. М., 1976. С. 82–104; Нелипович С. Г. Союз двуглавых орлов. Русско-австрийский альянс второй четверти XVIII в. М., 2010. С. 21–33; Kliwar J. Der österreichisch-russische Bündnisvertrag des Jahres 1726. Phil. Diss. Wien, 1921 (рукопись); Leitsch W. Der Wandel der österreichischen Rußlandpolitik in den Jahren 1724–1726 // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. 1958/1959. Jg. 6. S. 33–91.

29.

А. Рабутин – Ф. К. Шёнборну, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726, см.: ÖStA. HHStA. StA. RU II. Kt. 2. Berichte 1726 VII–XII. Fol. 183v–184v; Брикнер А. Австрийские дипломаты в России. По документам венского архива // *Вестник Европы*. 1893. Т. 28. № 12. С. 512.

30.

Ж. Маньян – Ш. Ж.-Б. Флёрю графу Морвиллю, Санкт-Петербург, 31.VIII.1726 // Сб. РИО. СПб., 1888. Т. 64: Донесения французских посланников и поверенных в делах при русском дворе. Ч. 6. С. 401.

31.

См.: Агеева О. Г. Петербургский траурный церемониал дома Романовых в начале XVIII в. // *Феномен Петербурга: Труды Второй Международной конференции, состоявшейся 27–30 ноября 2000 г. во Всероссийском музее А. С. Пушкина*. СПб., 2001. Вып. 2. С. 491–505; Алексеева М. А. Изображения коронационных и погребальных церемоний XVIII в.: изданные и неизданные альбомы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. 26. СПб., 1998. С. 232–240; Логунова М. О. Траурный церемониал в Российской империи в XVIII–XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2010 (в диссертации представлена подробная историография проблемы, но источниковая база не включает материалы РГАДА).

32.

Государственность России. Словарь-справочник. М., 2001. Кн. 3. С. 291.

33.

ÖStA. HHStA. StA. Russland I. Kt. 29. Berichte 1725 – Mai 1729. Fol. 162v.

34.

РГАДА. Ф. 156. Д. 41. Л. 23. М. А. Алексеева в указанной статье высказала предположение о том, что этот свиток был составлен для подготовки погребального альбома. Позволим себе не согласиться с этой версией. По нашему мнению, документ был создан в ходе планирования церемонии.

35.

РГАДА. Ф. 156. Д. 51.

36.

Чин погребения царицы Татьяны Михайловны // Древняя Российская вивлиофика. М., 1774. Ч. 4. С. 352–367; Описание погребения блаженной памяти императора Николая I с присовокуплением исторического очерка погребений царей и императоров всероссийских. СПб., 1856. С. 5.

37.

О сохранившихся описаниях похорон царицы Марфы Матвеевны см.: Агеева О. Г. К истории траурного церемониала Романовых петровского времени: редкий рисунок погребения представительницы царской семьи (из ОР РНБ) // Петровское время в лицах – 2007: Материалы научной конференции. СПб., 2007. С. 6–7; Наумов В. П. Повседневная жизнь Петра Великого и его сподвижников. М., 2010. Текст доступен по адресу: http://statehistory.ru/books/Povsednevnaia-zhizn-Petra-Velikogo-i-ego-spodvizhnikov/37#nt_pt_3_35 (дата последнего посещения 31.III.2015); Погосян Е. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001. Текст доступен по адресу: http://www.ualberta.ca/~pogosjan/peter/paragraf1_1_3.html (дата последнего посещения 31.III.2015).

38.

РГАДА. Ф. 2. Дела, относящиеся до императорской фамилии. Оп. 1. Д. 181. Л. 1.

39.

См. подробное описание церемонии: Семевский М. И. Царица Прасковья. М., 1989. С. 172–174.

40.

Лирия, де. Записки о пребывании при императорском российском дворе в звании посла короля испанского. Текст доступен по адресу: <http://www.vostlit.info/Texts/rus6/Lirijskij/text2.phtml> (дата последнего посещения 31.III.2015).

41.

Семевский М. И. Царица Прасковья. С. 103.

42.

См., например: Кедров Н. Приключение с племянницей Петра Великого царевною Прасковьею Иоанновной // Русский архив. 1887. Кн. 3. Вып. 10. С. 180–181.

43.

РГАДА. Ф. 2. Д. 48. Л. 1об.

44.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Д. 44.

45.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Д. 48. Л. 4об.

46.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 6.

47.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 8об.

48.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 20об. –21.

49.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 9об.

50.

Учреждение о трауре см.: Там же. Ф. 2. Л. 24об.

51.

Церемониал, по которому во время высочайшего шествия ея императорского величества в Тульском наместничестве исполнить надлежит // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 77–85; План дворянских должностей во время шествия через губернию Новгород-Северскую в собрании уездных предводителей учиненный (6 ноября 1786 г.) // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 86–90.

52.

Камер-фурьерский журнал 1767 года. СПб., 1856. С. 141.

53.

Дневная записка путешествия Ея Императорского Величества чрез Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно чрез Смоленск и Новгород (далее – Дневная записка) // Сб. РИО. СПб., 1867. Т. 1. С. 418. Текст доступен по адресу: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9374-t-1-1867#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

54.

Описание торжественных вшествий Ея Императорского Величества, Благочестивейшая самодержавнейшая великой государыни императрицы Екатерины Алексеевны в Ростов и Ярославль // Ежемесячные сочинения и известия об ученых делах. 1764. Январь. С. 61. В фокусе рассмотрения данного исследования – следующие путешествия Екатерины II: в Ростов (12.05–1.06.1763), по Волге (2.05–15.06.1767), в Белоруссию (9.05–17.06.1780), в Южную Россию (7.01–11.07.1787).

55.

Описание торжественных вшествий. С. 61.

56.

Екатерина II – Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767 // Сб. РИО. СПб., 1872. Т. 10: Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном Архиве Министерства Иностранных Дел. Ч. 2 (годы с 1765 по 1771). С. 191. Текст доступен по адресу: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9410-t-10-1872#page/1/mode/grid/zoom/1> (дата последнего посещения 31.III.2015).

57.

Протасьев Н. Н. Пребывание Екатерины II в Костроме // РВ. 1810. Ч. 9. № 2. С. 82.

58.

Разумовская И. М. Кострома. Л., 1989. С. 27–28.

59.

Речь, говоренная черниговского наместничества губернским дворянства предводителем, надворным советником, Андреем Полетикою, на всевысочайшее пришествие ея императорского величества в границы Черниговской губернии, при публичной аудиенции в губернском городе Чернигове // ЧОИДР. 1865. Кн. 2. С. 91.

60.

Екатерина II – Н. И. Панину. Кострома, 15.V.1767. С. 191.

61.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

62.

Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. В 2-х тт. Т. 1. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 168.

63.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 40.

64.

По матери он приходился родным племянником кн. Г. А. Потемкина. См.: Есипов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в Южную Россию в 1787 г. // КС. 1891. Т. 34. С. 248.

65.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 35–37.

66.

Уортман Р. С. Сценарии власти. С. 191.

67.

Артамонова Л. М. Общество, власть и просвещение в русской провинции XVIII–XIX вв.: (Юго-восточные губернии Европейской России). Самара, 2001. С. 27.

68.

Только во второй половине 80-х годов XVIII в. в России станут создаваться народные училища. См.: Высочайше утвержденный Устав народным училищам в Российской империи, 5 августа 1786 г. // ПСЗ РИ. СПб., 1830. Т. 22. № 16421. С. 646–662.

69.

Граф Федор Евстафьевич (Астафьевич) Ангальт (1732–1794) – генерал поручик, генерал-адъютант императрицы Екатерины II, директор Сухопутного Шляхетского корпуса.

70.

Глинка С. Н. Записки. М., 2004. С. 75.

71.

Екатерина II – Н. И. Панину. 13.V.1767. // Сб. РИО. Т. 10. С. 190.

72.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 17.V.1767 // ЖМЮ. 1915. № 10. С. 14.

73.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году [По материалам рукописного сборника конца XVIII в.] // РО ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 2318. Л. 8 об.

74.

Владимиров В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. Казань, 1867. Ч. 1. С. 112.

75.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году. Л. 9.

76.

Пребывание императрицы Екатерины II в Казани в 1767 году. Л. 9.

77.

К слову сказать, 31 мая 1767 г. после ужина, который давал губернатор, состоялся маскарад. Как отмечалось в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Благопристойность поведения и искусство в танцевании ясно свидетельствовали, что дворяне Казанские в благонравии и воспитании ни мало живущим в престольных городах не уступают». См.: Прибавление к № 58 // Санкт-Петербургские ведомости. 1767.20.VII.

78.

Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (По материалам переписки). М., 1999. С. 66.

79.

См.: Владимирова В. В. Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. С. 114, 116.

80.

Дневная записка. С. 412.

81.

Барышников Н. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886. С. 27.

82.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767 // ЖМЮ. 1915. Декабрь. № 10. С. 197.

83.

Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины I: в 2 т. Т. 2. Органы надзора. Чрезвычайные и временные областные учреждения. Развитие мысли о преобразовании областного управления. Упразднение учреждений 1727 г. М.; Л., 1941. С. 185.

84.

Собственноручные поправки Екатерины II в Наставлении губернаторам, а также замечания ея об этой должности, вошедшие потом в это Наставление // Сб. РИО. СПб., 1871. Т. 7. С. 353.

85.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

86.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

87.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

88.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

89.

Екатерина II – А. А. Вяземскому. 3.VI.1767. С. 197.

90.

Межевание – определение на местности и юридическое оформление границ земельных владений. См.: Межевание // Отечественная история. Энциклопедия: в 5 т. М., 1994–2000. Т. 3. М., 2000. С. 524.

91.

См.: Герман И. Е. История русского межевания. М., 1910.

92.

Об учреждении Комиссии о государственном межевании. 5.III.1765 // ПСЗ РИ. Т. 17. СПб., 1830. № 12347. С. 82–83.

93.

Об учреждении Межевой конторы для межевания Псковской губернии. 17.XI.1780 // ПСЗ РИ. Т. 20: С 1755 по 1780. СПб., 1830. № 15086. С. 1015.